

народа, пронырством лукавого дьявола *испущающе и плетуще глаголы прелестныя, всевая в сердца* человеком, како бы *всаяти ненависть друг на друга и междоусобство сотворити и всенародный мятеж воздвигнути* [1, с. 188]. Иногда автор лаконично, но емко с помощью фразеологизма описывает начало бунта: *Того же числа ярославец посажкой человек Ивашико Бизяев сказал за собою государево слово* [1, с. 202].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что авторы использовали широкий арсенал фразеологизмов для вербальной репрезентации всех сторон бунта, в большинстве случаев с помощью фразеологизмов дают этому явлению эмоционально-экспрессивную оценку.

Список использованных источников

- 1 Летописец 1619–1691 гг. // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1968. – Т. XXXI. – С. 180–205.
- 2 Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. – Т. XXXIV. – С. 8–30.
- 3 Супрасльская летопись // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. XXXV: Летописи белорусско-литовские. – С. 36–67.
- 4 Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

УДК 811.161.1'373:398.9

И. Г. Евтухова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ПРОХОДИТЬ КРАСНОЙ НИТЬЮ*: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается история возникновения фразеологизма проходить красной нитью. Фразема анализируется с точки зрения современности и в этнокультурном аспекте.

Фразеологизм *проходить красной нитью* ‘являться основным, главным, ведущим в чём-либо, насквозь пронизывать что-либо’ (ФСРЯ, 367) встречается не только в русском, но и в других родственных языках: бел. *чырвонай ніткай праходзіць, праходзіць (прайсці), пралягаць* (ФСБМ II, 89); укр. *проходить червоною ниткою* (ФСУМ II, 252); болг. *минава като червена нишка* (ФБ I, 586).

Этимологизация рассматриваемой фраземы обычно заключается в указании на ее связь с существовавшей в Англии традицией, упоминаемой в книге Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной «Крылатые слова»: «Все снасти королевского флота... сучатся так, чтобы через них во всю длину проходила красная нить, которую нельзя выдернуть иначе, как распустив всё остальное» [1, с. 177]. В «Словаре русской фразеологии» отмечается, что выражение *красной нитью проходить* (*тянуться*) «восходит к роману И. В. Гёте «Родственные натуры». В романе симпатии героини, пронизывающие весь ее дневник, сравниваются с *красной нитью*, которая влеталась в канаты английского флота» (СРФ, 404). Таким образом, в основу семантики рассматриваемого фразеологизма кладётся представление о конкретной производственной традиции – использовании *красной нити* как важного, существенного элемента каната. Вместе с тем, характер внутренней формы фраземы *проходить красной нитью* представляется более сложным с учетом ее анализа в этнокультурном аспекте.

Рассмотрим возможность соотнесения словосочетания *красная нить* с реалиями, обозначаемыми его компонентами – *нить* и *красный*. В системе народных представлений витье (а следовательно, и нить) относится к двум важным моментам человеческой жизни – браку и

смерти, а также связано с представлениями о счастье. Одновременно нить относится и к сфере несчастья: наряду с белорусской поговоркой о постоянной удаче (*Калі вядзецца (нітка) – і на шчэпку прадзецца*), употребляется другая – о постоянной неудаче: *Бяда на бядзе – як на нітцы ідзе*. Следовательно, нить связана с представлениями о судьбе. Многочисленные тому подтверждения находим в этнокультурных источниках: «...Нити ведутся мифическими существами, заведующими судьбой людей» [2, с. 97]. Сербская *Среча* – красивая девушка-пряха, прядущая нить человеческой судьбы [2, с. 383]; это удача, добрая судьба человека. Ей противостоит *Несреча* – злая судьба. Оба полюса первобытного дуализма – добро и зло – выражены посредством прядения нити: *Среча* прядет золотую нить на пользу человеку, а по поводу злой *Несречи* существует сербская поговорка: *Несрећа танко преде*, т. е. злая судьба прядет слишком тонкую нить, которая может легко оборваться [3, с. 240]. Возможно, к нити судьбы относится и выражение *Где тонко, там и рвется*.

В приведенных южнославянских фольклорных образах нетрудно увидеть близкую аналогию античным богиням судьбы – мойрам, прядущим нити жизни: Клото и Лахезис прядут, а Атропа обрывает нить; «по литовскому преданию, после рождения младенца, Вертя (пряха), восседающая на небесном своде, начинает прясть нить его жизни... Когда же наступает его последний час, Вертя перерезает нитку... и человек умирает... Родившийся младенец только тогда вступает в среду живущих, когда его пуповина будет перевязана или когда он будет привязан к жизни выпряденной ниткой»; «Девы судьбы – вечно работающие пряхи; своими руками они прядут жизненную нить и вплетают в нее все, что должно совершаться с человеком во время его земного существования» [4, с. 363]. Нить – «один из древнейших символов (наряду с волосами), означающий сущностную связь между любыми из различных планов – духовным, биологическим, социальным и т. д.» (СС, с. 339).

Таким образом, обилие мифологических и фольклорных материалов о пряхах, прялках и прядении свидетельствует о том, что с глубокой древности человечество связывало с прялкой и нитью представление о жизни, о долгой, как нить, протяженности жизни. Таким образом, человеческая жизнь уподобляется тянущейся нити, о чем свидетельствует словосочетание *нить жизни*, используемое во многих индоевропейских языках. *Красный* цвет, как одно из основных цветообозначений, наделялся богатой, разнообразной символикой.

По мнению Л. Раденковича, «красная нить (или лента) обладает весьма широкой символикой: как нить, полученная кручением шерсти, хлопка, шелка, конопли и т. п. и используемая для вязания, символизирует движение и изменение; она может означать ось или границу, может служить для измерения различных предметов, может быть связью и посредником между двумя коммуникаторами. *Красный* цвет делает нить хтоническим элементом, связанным с иным миром». Это видно, например, из обычая завязывать скотине или класть жениху на шапку *красную* нить от сглаза (по принципу «свой своего не тронет») [5, с. 134].

«В родинных обрядах *красный* цвет выступает как символ жизни, здоровья: пуповину перевязывали *красным* шнурком (серб.), шелком (в т. ч. для предохранения от падучей; укр.)» (СД II, 648). Чтобы не допустить к роженице злых духов, а также чтобы предупредить родовые повреждения, через нее перебрасывали *красную* нитку, которая выполняла роль магично-охранительного средства. После первого – ритуального – купания ребенка туго пеленали в белое, а затем перевязывали *красной* пасмой (специальным самотканым поясом, который передавался от поколения к поколению и выполнял роль объединения семьи и прежде всего – детей) [6, с. 74].

Символика *красного* цвета как принадлежащего «тому свету» и одновременно защищающего от опасного контакта с потусторонним миром выражена в погребальной обрядности: «Покойнику связывали руки и ноги нитью *красного* цвета (болг.); поперек тела покойника клали шерстяную нитку *красного* цвета (бел.)... гроб несколько раз из конца в конец обматывали *красной* шерстяной нитью (бел.); завязывала нить *красного* цвета на пальце, когда шла прощаться с покойником (серб.)» (СД II, 648). *Красная* нить называлась «мертвой ниточкой» и служила универсальным оберегом – ее носили на запястье от всякого зла; остаток нитки, которой шили подушку для гроба, предохранял от сглаза.

Отправляясь на кладбище, брали ... деревянный крест, перевязанный *красной* ленточкой и несли его впереди...» [7, с. 281]. При погребении покойника «подпоясывали *красным* поясом» [8, с. 702]. Таким образом, ритуальное употребление *красной* нити дает основание считать ее символом жизненного начала. «Чтобы тебя не сглазили, желательнее носить на себе что-нибудь *красное*. Это могут быть пацерки [И. Г. – бусы], *красные* камни в сережках, *красная* шаль и т. д. *Красный* цвет перекрывает поток плохой энергии. Именно поэтому корове на шею повязывают *красную* ленточку. Таким образом, это своеобразный оберег молока коровы, ее плодовитости» (Зам., 165).

Апотропеическая семантика пояса как границы между «своим» и «чужим» пространством в ряде случаев дополнялась и усложнялась специальными характеристиками пояса. Сравн., например, польский обычай подкладывать под голову женщины мужской (лучше свадебный) пояс, чтобы защитить ее от богинок. В других случаях акцентировался *красный* цвет пояса, символизирующий жизнь и плодородие. Например, беременная женщина должна была носить *красный* пояс во время беременности, чтобы защитить себя от колдовства и предохранить будущего ребенка от влияния смерти, если она была вынуждена присутствовать на похоронах: «Нэ можна, кажут, [беременной] на могилки йты, на хрестыны нэ мона, на похороны. Можно тоди, колы *красным* поясом, чы ниткой обяжеш себя».

Красная нить широко использовалась в качестве апотропея и лечебного средства. «Против болезней при виде первой ласточки матери повязывали детям на правую руку нить *красного* цвета, чтобы ребенок был здоров (болг.); в канун Иванова дня обвязывали руку (ногу) нитью *красного* цвета и носили до Петрова дня, после чего ее вешали на куст розы или кизила (ю.-слав.). На Преображение (6/19.VIII) или в день св. Петки (8.VIII) женщины и дети обвязывали руки нитью *красного* цвета (серб.); в день св. Иеремии (1.V) в Южной Болгарии катались по росе и оставляли на кустах нитки или кусочки одежды *красного* цвета – для здоровья и исполнения желаний. От боли в суставах (в т. ч. во время жатвы) обвязывали руки *красными* нитками, шерстью, полосками ткани (Полесье). Для защиты от лихорадки носили на руке *красную* нить, которая накануне Юрьева дня висела на розе (макед.); на шее – повязку *красного* цвета с 4 узлами, которую потом бросали в проточную воду (бел.). *Красной* нитью связывали крест-накрест руки и ноги больному эпилепсией (серб.). Больной падучей должен был пролезть сквозь расщепленный ствол шиповника, концы которого связывались нитью *красного* цвета, на границе трех полей (серб.). *Красной* нитью связывают пучок из трех куриных перьев, трех ржаных колосьев, веточки базилика, используемые в народной медицине» (СД II, 648–649).

В текстах русских и белорусских заговоров «От кровотечения» в качестве табуированных обозначений крови часто используются словосочетания *красный шёлк*, *красны шоўк*, *красная шалчынка*, *красная нитачка* (*красная трасцінка*). Сравн. рус.: *На море Океане, на острове на Буяне девица красным шёлком шила; шить не стала, руда (кровь) перестала* (РН с. 290); бел.: *На сінім моры, ва кеяне ляжыць бел камень, на тым камні сядзелі тры панны Ганны, красны шоўк маталі, кроў астанаўлялі* (Зам., № 464); ...*Сястрыцы-дзявіцы, прадзіця красны разны шоўк, выпрадайця і ўзоры набірайця, і краснага шоўку на зямлю ні ўраняйця, і з зямлі ні падьмайця!* (Зам., № 466); ...*Маць Прасвятая Багародзіца і ў руках сваіх дзержыць жыватворную іголку, а в жыватворную іголку вдзёрнута красная шалчынка, і жыватворнай іголкай рану пракальваець і красною шалчынкай рану зашываець і крававага пасека на свет не бываець...* [9, с. 189]; *Яны [тры дзявіцы] шыюць красною нитачкаю, нитачка парвалась – кроў увывалась* (Зам., № 467); *Ішла Прасвятая маць Бугуродзіца па калінавым мосту, у красных чаравічках, з краснай трасцінай, з святымі апосталамі. Трасціна зламалась – кроў сунылілась* (Зам., № 499).

Кровь, очевидно, трактуется в данном случае как жизненная субстанция, и цель заговоров – не просто остановить кровь, а удержать жизнь. Гемоглобин крови – флуоресцентная краска. Он поглощает свет у поверхности кожи и затем излучает его в глубинах организма, освещая внутренние органы. В связи со сказанным представляется целесообразным рассмотреть

часто встречающийся в заговорах мотив красной нити на фоне внутренней формы фразеологизма *проходить красной нитью*.

Таким образом, в текстах заговоров кровь имеет многочисленные атрибуты (*красная ниточка, красная тростинка, красный шелк*), что для архаики всегда является указанием на сакральность и значимость предмета. Очевидно, люди сближали кровь со всяким «соком жизни», «влажгой жизни», как необычайно важную и драгоценную. Следовательно, понятие (*красная*) *кровь* сближается с понятием (*красная*) *ниточка*, равноценным словосочетанию *красная нить*.

Словосочетание *проходить красной нитью* употребляется во многих художественных текстах, популярно и в публицистической литературе: *Борьба за революционный выход из войны, призыв к международному рабочему классу поддержать революционный почин русских рабочих проходят красной нитью через все произведения тома* (В. И. Ленин (Ульянов), Полное собрание сочинений. Том 32. Май–июль 1917); *Эта тема проходит красной нитью через все его воспоминания, написанные после войны; это же подтверждается свидетельствами из самых разнообразных кругов и источников* (Г. С. Дойч, Заговор против Гитлера. Деятельность Сопротивления в Германии. 1939–1944); *Полезное и нужное – это одно. Хорошее – это другое. Эта мысль проходит красной нитью через Аристотеля, стоиков...* (Л. Шестов, «Лекции по истории греческой»); *Через все исторические произведения Дмитрия Кедрина красной нитью проходит мысль об исключительной одаренности нашего народа* (газета «Правда», 16–19 февраля 2007 (№ 17)); *В связи с этим сразу подчеркнём одну из ключевых мыслей книги, которая в дальнейшем будет проходить красной нитью через обсуждение самых разных тем* (А. Г. Грецов, Понимать своего ребенка, 2009); *Идеи избранности, превосходства, уверенности в себе и в правоте своего дела, гордости за свой род войск проходят красной нитью через всю морально-психологическую подготовку «зелёных беретов* (О. Г. Сыропятов, Медико-психологическое сопровождение специальных операций, 2013); *Оценивать это свойство с моральной стороны нет никакого смысла: оно проходит красной нитью через всю мировую историю* (А. С. Терещенко, Руины некомпетентности, 2014); *Особенно характерные черты проходят красной нитью через русскую поэзию 70-х и 80-х годов* (Е. В. Аничков, К. Д. Бальмонт, 1914); *Но главная тема, проходящая красной нитью через все три книги, – это наша непреодолимая тяга к искренней жизни* (Брене Браун, Стать сильнее. Осмыслить реальность. Преодолеть себя. Всё изменить, 2015).

Таким образом, материал позволяет предположить, что этнокультурные сведения (несомненно, известные носителям языка и являющиеся для них весьма актуальными) не могли не отразиться на формировании семантики фраземы *проходить красной нитью* ‘являться основным, главным, ведущим в чем-либо, насквозь пронизывать что-либо’, ‘служить (являться) важным сакральным предметом, имеющим защитное, продуцирующее и жизнеобеспечивающее значение’.

Список использованных источников

- 1 Ашукин, Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Художественная литература, 1988. – 528 с.
- 2 Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня. – Харьков : Университет. тип., 1860. – 155 с.
- 3 Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
- 4 Афанасьев, А. Н. Древо жизни : избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
- 5 Раденкович, Л. Символика цвета в славянских заговорах / Л. Раденкович // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М. : Наука, 1989. – С. 122–148.
- 6 Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск : Ураджай, 2001. – 350 с.
- 7 Живописная Россия: Литовское и белорусское Полесье. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1993. – 550 с.

8 Чубинский, П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Русским Географическим обществом. Западный отдел / П. П. Чубинский. – Т. 4. Обряды: родины, крестины, свадьбы, похороны. – СПб., 1877.

9 Карські, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 640 с.

Принятые сокращения

Зам. – Замовы / уклад. Г. А. Барташэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 599 с.

РН – Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М., 1991. – 608 с.

СД – Славянские древности : Энциклопедический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–1999. – 1996. – Т. 2. – 700 с.

СРФ – Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 712 с.

СС – Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М. : REFL-book, 1994. – 608 с.

ФСБМ – Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1993. – Т. 2. – 607 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – М., 1987. – 543 с.

ФСУМ – Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови : в 2 т. / Г. М. Удовиченко. – Київ : Вища школа, 1984. – Т. 1. – 384 с.

УДК 821.161.1-1*А.Блок'06

Ж. Ф. Жадейко

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ И ЯЗЫК ЭПОХИ В ПОЭМЕ А. А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

В статье рассматриваются изображённые А. А. Блоком в поэме «Двенадцать» приметы революционного времени; анализируется язык произведения, содержащий вкрапления из языка эпохи Октябрьской революции 1917 года.

Поэма «Двенадцать» занимает в творчестве А. А. Блока особое место. Это произведение о революции, которую, по утверждению К. Чуковского, поэт ждал с 1905 г. и «не только не боялся её, но чем дальше, тем страстнее призывал. Она – в этом он был твёрдо уверен – выжжет, словно калёным железом, всё пакостное, тошнотворное, злое, чем невыносима для него современность. Она преобразит всю вселенную, и тогда он навеки спасётся от своей “острожной тоски” бытия» [7, с. 262]. Кроме того, А. Блок сам указал на место поэмы среди других своих произведений, сделав в дневнике по окончании работы над произведением запись: «Сегодня я – гений» [3, с. 238].

Поэма, в название которой вынесено магическое у славян число «двенадцать», состоит из 12 разных по ритму и по характеру повествования глав-картинок, сменяющихся, как кадры диафильма или как слайды. Начинается произведение, написанное поэтом-символистом, со своеобразной «цветовой» антитезы, в основе которой два любимых А. Блоком цвета: «**Чёрный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / Ветер, ветер – / На всём божьем свете!**» [2, с. 313].

Назывные предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма и передающие контраст, готовят читателя к абсолютно разному восприятию происходящего представителями разных социальных слоёв. Уже в первой строфе появляется любимый поэтом образ ветра – символ стихии, перемен, переворота. Лексический повтор слова-символа, слоговая анафора *на...на*, смена двусложного стихотворного размера трёхсложным и, наоборот,